

Он протянул руку и потрепал Янь Уюя по голове:

— Хватит болтать, пора спать.

Лицо Янь Уюя покраснело до предела, и он пробормотал:

— Говорят, что господин Гу не различает полов, но я не склонен к мужским утехам...

Е Чанцзянь рассмеялся:

— Кто тебе сказал, что я люблю мужчин?

Янь Уюй честно ответил:

— Все уже говорят, как господин Гу только что флиртовал с господином Тан на месте регистрации.

— Господин Гу, вы действительно оправдываете свою репутацию! — сказал он, и в его глазах появилось что-то вроде восхищения.

Е Чанцзянь подумал: «эти два бездельника действительно простодушны — всё, что у них на уме, сразу отражается на лице».

Остальные в комнате, видя, как трое весело беседуют, лишь усилили свои презрительные взгляды.

— Хм, бесстыдники, — кто-то тихо фыркнул.

На лицах Янь Уюя и Ли Цзюньяня не появилось ни капли дискомфорта. Они слышали такие слова с детства и давно привыкли.

Е Чанцзянь обнял их обоих и с ухмылкой сказал:

— Пошли, братцы, прогуляемся на улице. В комнате воняет собачьей шерстью, просто невыносимо.

Ли Цзюньянь удивлённо спросил:

— Кто-то держит собак?

Е Чанцзянь равнодушно усмехнулся:

— Просто несколько собак, которые лезут не в своё дело.

Они не скрывали своих смешков, и ученик, который только что оскорбил их, уже покраснел от гнева и закричал:

— Гу Няньцин, ты думаешь, мы не знаем, как вы сюда попали? Вас выгнали из дома! Три бездомных пса осмеливаются так нагло себя вести!

Ли Цзюньянь и Янь Уюй напряглись.

Е Чанцзянь повернулся и начал внимательно разглядывать Тан Ханьюя.

Его взгляд был слишком откровенным, и Тан Ханьюй невольно отступил на несколько шагов:

— На что ты смотришь?

У Тан Ханьюя была бледная кожа и стройная фигура, но, возможно, из-за жара, на лице появились прыщи.

Е Чанцзянь погладил подбородок:

— Фигурка у тебя неплохая, в темноте сойдёт. Но вот лицо... «Курица клюёт корку арбуза, дождь падает на кучу пепла, мама моя, какая большая корка огурца!»

Он прочитал детскую считалку, знакомую всем в Гусу, и остальные ученики не смогли сдержать смеха.

Тан Ханьюй был на грани обморока и уже собирался наброситься на него.

Но Е Чанцзянь, как будто смазав ноги маслом, обнял Ли Цзюньяня и Янь Уюя, пнул дверь и с хохотом выбежал из комнаты.

Они вышли из общежития и пошли вперёд, не зная, куда направляются. Вскоре они увидели восьмиугольный павильон с каменным столом и несколькими скамейками.

— Давайте посидим там, — сказал Е Чанцзянь.

Он подтолкнул их к скамейкам и снова потрепал по головам.

Янь Уюй и Ли Цзюньянь были примерно того же возраста, что и его младшие братья в прошлой жизни. Он привык быть старшим братом и невольно относился к ним как к детям.

Наступал вечер, и прохладный ветерок ласкал их лица.

Янь Уюй вздохнул:

— Господин Гу, вы действительно оправдываете свою репутацию.

Ли Цзюньянь добавил:

— Господин Гу, кажется, вы идеально подходите для Ночной переправы под звон ветра.

Янь Уюй продолжил:

— Когда другие говорят о Ночной переправе под звон ветра, они либо презрительно фыркают, либо пугаются, но я чувствую в этом что-то притягательное. Если бы не мама, я бы точно отправился туда.

Е Чанцзянь, подперев щёку рукой, посмотрел на него:

— Почему?

— Я слышал, что у них всего два правила.

Услышав это, Е Чанцзянь невольно улыбнулся:

— На самом деле, есть и третье.

— Какое? — удивился Янь Уюй.

Е Чанцзянь лишь улыбнулся и не ответил.

Ли Цзюньянь сказал:

— Господин Янь, я слышал, что ваше искусство живописи просто великолепно, особенно портреты красавиц. Они выглядят как живые.

Услышав о своём увлечении, Янь Уюй оживился и начал рассказывать:

— Эти дамы живут в глубине своих покоев, их красота скована, это не настоящая красота.

Ли Цзюньянь тоже заинтересовался:

— А что тогда настоящая красота?

Янь Уюй улыбнулся, его лицо стало детским и искренним:

— Как у артисток с улицы цветов. Они не скрывают себя, их естественность и раскованность — это настоящая красота. Когда я рисую их, они никогда ничего не требуют, позволяя мне свободно творить, в отличие от тех дам, у которых слишком много правил.

— ...Именно поэтому я часто остаюсь на улице цветов, чтобы рисовать их, и в итоге отец выгнал меня из дома.

На его лице появилась лёгкая грусть.

Е Чанцзянь тихо рассмеялся:

— Знаете, о чём я думал, когда меня выгнали из дома?

Оба покачали головами, смотря на него.

Е Чанцзянь встал, заложил руки за спину и посмотрел на новую луну на небе:

— Если здесь мне нет места, найдётся другое. Сегодня вы презираете меня, а завтра я стану недостижимым для вас!

Раздалось два глухих звука, и Е Чанцзянь почувствовал, как кто-то обнял его ноги.

Ли Цзюньянь и Янь Уюй хором сказали:

— Господин Гу, вы просто потрясающий!

Е Чанцзянь не смог сдержать смеха:

— Я ещё не умер, зачем вы так спешите поклоняться мне? Поднимайтесь, ветер крепчает, пора спать.

Он поднял их и, обняв, толкнул в комнату.

Распорядок дня в Далёких Облаках и Водах был строгим, и все ученики уже крепко спали. Они сами оставили места у продуваемого окна для Е Чанцзяня и его друзей.

Е Чанцзянь лёг у окна, оставив рядом место для них.

Он не привык спать с кем-то на одной кровати. В Ночной переправе под звон ветра у него была своя комната, и ему не приходилось спать в общей спальне. Этой ночью он спал беспокойно, видя странные сны.

Ночная переправа под звон ветра принимала тех, кого не мог принять никто другой.

Е Чанцзянь спал, раскинувшись с подушкой в обнимку.

Деревянная дверь с грохотом распахнулась, и Е Чанцзянь вскочил с кровати:

— Ещё по одной?

— Что за «по одной»? Ты ещё не протрезвел?

Говорящий был красив, как нефрит, с коварными чертами лица. Он был одет в красный халат с чёрной отделкой, прислонился к двери и с улыбкой смотрел на Е Чанцзяня.

Е Чанцзянь бросил подушку и прыгнул с кровати, направляясь умываться:

— Что случилось? Уж не сам ли заместитель патриарха Ночной переправы под звон ветра пришёл разбудить меня?

— Третьего брата избили, когда он спускался с горы.

Третий брат, Дунфан Чжисю, родился с врождённым недостатком и не мог практиковать ни бессмертие, ни магию. Его бросили в горах, но Старец с лодкой на дикой переправе нашёл его и привёз в Ночную переправу под звон ветра, где он стал единственным, кто не владел магией.

Услышав это, Е Чанцзянь бросил полотенце и холодно усмехнулся:

— Кто осмелился обидеть человека из Ночной переправы под звон ветра?

Весь мир культиваторов знал, что у Ночной переправы под звон ветра было меньше всего правил, всего два, но они были самыми шокирующими.

Первое: никогда не уступать.

Второе: если не трогают меня, я не трогаю других. Но если кто-то нападает, уничтожаю до корня!

Е Чанцзянь с яростью повёл своих младших братьев и сестёр в клан, который называл себя восемнадцатым по рангу, чтобы потребовать объяснений.

Младший брат спросил:

— Четвёртый брат, почему бы просто не уничтожить их?

Янь Учан холодно ответил:

— Сначала вежливость, потом война.

Дунфан Чжисю сказал:

— Но, похоже, они не собираются с нами разговаривать.

На его голове была белая повязка, и его обычно красивое и спокойное лицо выглядело жалко.

Ворота были закрыты, оставив их снаружи.

— Отойдите, — мягко сказал Е Чанцзянь.

Все младшие братья отошли на несколько десятков метров.

Е Чанцзянь тоже отошёл на два шага, затем внезапно взлетел и с силой пнул закрытые красные железные ворота.

Бум!

Раздался оглушительный грохот, и тяжёлые железные ворота весом в тысячу цзиней были сбиты с петель и пролетели несколько метров, обрушившись на учеников, практикующих меч на площадке.

Все бросились врассыпную.

Бам!

Ворота врезались в землю, и лица нескольких учеников стали то бледными, то зелёными.

Половина от гнева, половина от страха.

Е Чанцзянь, заложив руки за спину, спокойно вошёл внутрь.

— Кто избил нашего третьего брата, выходите сами.

— Кто ты? — спросил ученик, похожий на старшего брата.

Маленькая сестра в красном халате подошла к Е Чанцзяню и с милой улыбкой сказала:

— Он наш главный хулиган из Ночной переправы под звон ветра.

Е Чанцзянь спокойно сказал:

— Ночная переправа под звон ветра, Е Чанцзянь.

Услышав это, все ученики побледнели.

Они не могли поверить, что этот красивый, как женщина, юноша был самым опасным человеком из Ночной переправы под звон ветра.

Из толпы раздался презрительный смешок.

— Оказывается, Е Чанцзянь — это баба, вот почему его подчинённые такие слабаки.

Е Чанцзянь не рассердился, а повернулся к Дунфану Чжисю:

— Третий брат, это он тебя избил?

Дунфан Чжисю кивнул.

— А кто ещё?

— Их было слишком много, я не всех запомнил.

<http://bllate.org/book/16478/1496563>